

Три демоницы не обладали сколь-нибудь серьезной силой — Бессмертный почтенный Шаошан оставил их лишь для того, чтобы выиграть время для бегства. Цинь Фэн разделался с ними в мгновение ока, обратив в золотую пыль.

Солнце медленно поднималось над горизонтом. Тонкие лучи пробивались сквозь переплетение горных ветвей, лаская лицо Чу Ханьюэ. Он нахмурился и разомкнул веки. Первым, что он увидел, было лицо Цинь Фэна.

Юноше на вид было лет восемнадцать-девятнадцать, и он буквально лучился задором. При первой их встрече щеки Цинь Фэна казались впалыми, но теперь он немного округлился, окреп, а в его движениях появилось гораздо больше жизни.

Заметив, что наставник пристально изучает его лицо, Цинь Фэн втайне возликовал. Однако следом в голову прокралась тревожная мысль: Чу Ханьюэ ведь не знал его истинной личности. Сейчас для него он был всего лишь обычным смертным девятнадцати лет. Главное — молодым! А Ханьюэ, судя по всему, как раз и питал слабость к юнцам.

«Нельзя позволить ему наставить мне рога с самим собой же!» — мелькнуло в голове Почтенного.

— Наставник, — Цинь Фэн кашлянул и, помогая мужчине подняться, поспешно отстранился на почтительное расстояние. — Вы в порядке?

— Что со мной случилось? — Чу Ханьюэ потер лоб. В памяти всплывали разрозненные осколки: он будто бы застучал Бессмертного почтенного Хуаяна, присягающего в верности другому человеку, и собственноручно лишил его жизни... А еще какой-то мужчина вложил ему в ладонь талисман.

Он поднял руку и осмотрел ее — кожа была чистой. Никакого запаха крови, никакой магии. Должно быть, то было наведенное демоном видение.

Ханьюэ с досадой сжал кулаки. Почему он так слаб? Ладно бы погиб сам, но если бы из-за него пострадали ученики, он бы не знал, как искупить эту вину.

— Наставник! — Цинь Фэн с притворным удивлением подбежал к кучке золотой пыли на земле. — Смотрите, что это?

Голова Ханьюэ всё еще шла кругом, и, встав, он едва не лишился равновесия. Совладав с собой, он подошел ближе. Увидев россыпь золотой пыли, он сразу понял: здесь был Хуаян.

Раз Почтенный вмешался, значит, демону не уйти. Ханьюэ повел Цинь Фэна к храму. Деревенские жители оказались целы и невредимы. Увидев вернувшегося заклинателя, они решили, что тот уже изгнал нечисть, и наперебой принялись осыпать его благодарностями.

Чу Ханьюэ не был уверен, мертв ли демон на самом деле, поэтому попросил людей подождать еще пару дней, чтобы убедиться в безопасности.

Ночью, засыпая, он надеялся спросить Хуаяна во сне, покончено ли с врагом. Однако Цинь Фэн в ту ночь и глаз не сомкнул. Он понимал, что Шаошан вряд ли смирится с поражением. Если тот посмеет явиться снова, Цинь Фэн не проявит милосердия и нанесет смертельный удар.

Минуло три дня, но Бессмертный почтенный так и не явился в сновидениях Ханьюэ. На сердце у того скребли кошки. Образы из иллюзии — те проклятые клятвы верности — то и дело всплывали в сознании. Словно чей-то вкрадчивый голос без умолку шептал ему: «Ты наскучил Почтенному. Он бросил тебя ради другого».

Разум твердил, что всё это ложь, но капля за каплей яд сомнения подтачивал его волю.

— Думаю, всё кончено, — Цинь Фэн решил, что Шаошан больше не рискнет показаться. К тому же оставаться в этом храме, самом опасном месте, не было смысла. — Нам пора спускаться.

Деревенские жители колебались, но, измученные холодом и голодом, решили не медлить. Приближался Новый год, и они пригласили Чу Ханьюэ провести праздник в деревне, прежде чем тот отправится в путь.

Ханьюэ согласился. Стоило задержаться еще немного, чтобы окончательно удостовериться в безопасности людей.

Когда последний человек покинул святилище, храм внезапно содрогнулся. Подняв тучи пыли, древнее строение обрушилось, превратившись в руины.

Люди замерли в оцепенении. Кто-то первым упал на колени, склонив голову в сторону обломков:

— Должно быть, Бессмертный почтенный Шаошан пожертвовал собой, чтобы защитить нас... Поэтому храм и пал!

— Да, не иначе как так!

Толпа, словно волна, опустилась на колени, вознося молитвы праху предателя.

Цинь Фэн лишь равнодушно потер пальцы. Не проронив ни слова, он развернулся и начал спуск с горы.

Вернувшись, Чу Ханьюэ вместе с учениками и Черной змеей помог жителям предать земле погибших. Скорбь еще не утихла, и у людей не было настроения устраивать пышные гуляния,

как в прошлые годы, но всё же они собрались вместе, чтобы налепить праздничных пельменей-цзяоцзы.

В секте Юньцзянь празднование Нового года всегда было скромным: общий ужин, и никакой предпраздничной суеты с красными свитками, петардами или лепкой теста.

Для Чу Ханьюэ это был первый подобный опыт. Две попытки подряд закончились полным крахом. Когда он потянулся за третьим кружком теста, Цинь Фэн подсел ближе:

— Наставник, давайте я научу. Не нажимайте так сильно. И начинки кладите поменьше, иначе всё порвется.

Чу Ханьюэ попробовал снова, но из-под его пальцев вышло нечто бесформенное, маслянистое и совершенно неаппетитное. Испугавшись, что Цинь Фэн начнет насмехаться, он с суровым видом отложил тесто и молча ушел в свою комнату.

Ложиться спать не хотелось — всё равно Почтенный не являлся. Ханьюэ сел за стол и раскрыл книгу.

Не успел он прочесть и пары строк, как кто-то внезапно сунул ему в рот конфету. Язык обожгло сладостью.

Чу Ханьюэ крепче сжал книгу, смяв страницы, и заставил себя не оборачиваться.

— И кто же посмел обидеть моего маленького Бессмертного господина? — Цинь Фэн обнял его со спины, прижавшись всем телом. — Он нахмурился так, что между бровей можно муху раздавить.

Ханьюэ продолжал смотреть в книгу, делая вид, что не замечает его.

— Ну как, вкусно? — Цинь Фэн легонько ткнул пальцем в его припухшую от конфеты щеку. — У меня есть и другие вкусы, принес прямоком из Божественного царства. Стоит съесть — и магическая сила возрастет многократно. Будешь колотить меня еще энергичнее.

Только тогда Ханьюэ соизволил взглянуть на него.

— В канун Нового года ты, я смотрю, совсем не занят. Нашел время навестить меня?

— Ты — самый важный человек в моей жизни. Кого мне еще навещать? — Цинь Фэн обхватил его лицо ладонями и запечатлел на губах поцелуй, приправленный сладостью карамели. — Я знаю, что из-за моего отсутствия ты потерял аппетит и сон. Совсем исхудал... Я заслужил наказание. Самое суровое.

Увидев, что Ханьюэ снова отвернулся, Цинь Фэн обошел стол и уселся напротив, не выпуская его рук.

— Решено. В наказание я поцелую тебя десять раз, пока губы не распухнут. А если покажется мало — когда родится ребенок, буду восполнять твою божественную силу по десять раз за ночь, пока сам не испущу дух от истощения!

Почтенный заглянул ему в глаза с заискивающей улыбкой.

— Ну как тебе такое?

— Ты себя наказываешь или меня? — Ханьюэ бросил на него мимолетный взгляд. — Уходи. Мне скоро пора идти есть пельмени.

«Если я сейчас уйду, то мне точно не жить», — подумал Цинь Фэн. Приняв самый бесстыдный вид, он вцепился в Ханьюэ мертвой хваткой, положил подбородок ему на плечо и потерся щекой:

— Разве эти пельмени вкуснее меня?

Кончики ушей Чу Ханьюэ мгновенно вспыхнули пунцовым. Сердце предательски сбилось с ритма. Пытаясь отстраниться, он выдавил:

— Мерзавец!

— Ладно, ладно, пусть я мерзавец, — рассмеялся Цинь Фэн.

За холодным, бесстрастным выражением лица его маленького Бессмертного господина скрывалась такая очаровательная робость, что сердце Почтенного таяло. Он знал, как Ханьюэ любит держать лицо, и не ждал ласковых слов. Вместо этого он потянул его за собой.

— Пойдем, я хочу показать тебе одно место.

— Куда еще? — Ханьюэ хотел было расспросить о событиях того дня, но не успел — его уже тащили прочь.

Цинь Фэн взмахнул рукой, и перед ними соткалась золотистая преграда, идущая рябью. Почтенный шагнул в нее, увлекая супругу за собой.

— Идем праздновать Новый год.

Проходя сквозь барьер, Ханьюэ почувствовал, как его окутывает волна нежного тепла. Он невольно зажмурился от удовольствия, а когда снова открыл глаза, перед ним раскинулось бескрайнее море ослепительного звездного света.

<http://bllate.org/book/17570/1659491>